

М. В. КУКУШКИНА

К вопросу о месте происхождения Радзивилловской летописи в списке XV в.

В настоящее время, когда факсимиле Радзивилловской летописи (БАН.34.5.30) наконец увидело свет,¹ появилась реальная возможность изучения конкретных сюжетов, связанных с созданием уникального памятника, кодикологических и художественных его особенностей, значения в целом для истории русской культуры. Из всех возможных аспектов исследования рукописи мы остановимся лишь на одном, а именно: где и когда мог быть изготовлен список Радзивилловской летописи (далее: Р.Л.). Последний вопрос не вызывает у исследователей сомнения: тип полууставного письма и филигранных позволяют почти без колебаний датировать рукопись 90-ми гг. XV столетия. Сложнее обстоит дело с определением места создания летописи. Как нам уже приходилось писать в предисловии к факсимильному изданию, исследователи называли следующие города, где мог быть изготовлен список XV в.: Смоленск, Новгород, Тверь, Москва. Уже при чтении корректур мы обратили внимание на неадекватность текста Р.Л. чтением в других летописях при изложении рассказа в «Повести временных лет» под 862 г. о призвании трех братьев «из варяг» на княжение в Руси. Миниатюра № 15 (л. 8 об.) должна изображать Рюрика в Ладоге (ср. ниже, с. 382), Синеуса на Белоозере и Трувора в Изборске. При этом только в Р.Л. писец, имя которого остается неизвестным, внес изменение в текст летописи, важное для исследуемого вопроса. Он опустил в данной фразе имя князя «Синеус», а вместо этого написал «сиде оу нас». Позднее, вероятнее всего, при снятии Петровской копии в 1713 г. (БАН. 31.7.22), другой писец (возможно, более осведомленный) вставил сверху над словами «сиде оу нас» — «Синеус».

¹ Радзивилловская летопись В 2 т Т 1 Факсимильное воспроизведение рукописи Издание подготовлено по рукописи, хранящейся в Библиотеке РАН Т 2 Текст, исследование, описание миниатюр Авторский коллектив А А Амосов, О А Белоброва, М В Кукушкина, О П Лихачева, Г М Прохоров, акад Б А Рыбаков, И Н Сергеева Отв ред М В Кукушкина, общ ред Г М Прохоров СПб, 1994 Подготовленные к печати в факсимильном варианте материалы Радзивилловской летописи были утверждены на Ученом совете Библиотеки АН СССР в 1981 г и на следующий год переданы в издательство «Искусство» в Москве Среди документов, сопровождавших рукопись, было много писем авторитетных ученых-академиков (М П Алексеева, Д С Лихачева, Б А Рыбакова В В Меннера и др), которые были адресованы председателям Госкомиздата СССР, сменявшим друг друга на протяжении почти 10 лет Б И Стукалину, М Ф Ненашеву, Б Н Пастухову Самым ярким было письмо Д С Лихачева (1980 г), написанное от руки на собственном бланке Он убеждал чиновника в том, что издание Радзивилловской летописи является «нашим патриотическим долгом» (Архив Библиотеки РАН) Однако летопись удалось опубликовать лишь в 1994 г благодаря издательству «Глаголь» (С-Петербург), при содействии финансовой корпорации «Арман» Считаю своим приятным долгом как инициатор и ответственный редактор данного издания выразить руководителям издательства В И и Д В Чернышневым сердечную благодарность

Таким образом фраза «а другой, Синеус, сиде оу нас на Белеозере» уже без исправлений вошла в Петровскую копию 1713 г. Однако первым, кто заметил особое чтение текста Р.Л. под 862 г., был акад. А. А. Шахматов. В статье 1904 г., исследуя рассказ о призвании варяжских князей на Русь, он писал: «...не подлежит сомнению», что в основе сказания о варягах «лежат не выдумки, не ученые истории, а народные предания». В другом контексте той же статьи ученый вернулся к интересующему нас тексту и осторожно заметил: «Не напрасно, по-видимому, явилось чтение Радзивиловского списка „другий сиде оу нас на Белеозере“». Акцентируя внимание на варяжском князе Синеусе, Шахматов пишет, что «еще важнее свидетельство одного небольшого летописца XVI в.», который принадлежал Кирилло-Белозерскому монастырю, а в начале XX в. хранился в Археографической комиссии. В этом летописце сказано, что Синеус сидел «у нас» на Кистеме (Кистема — значительный центр Белозерья) и, как сообщают другие источники, был якобы похоронен в кургане Белозерска.² В 1913 г. акад. Шахматов посвятил вопросу о месте происхождения летописи особую статью.³ В ней он обобщил свои наблюдения над лингвистическими особенностями списка Р.Л. в 15 пунктах. Видимо, одновременно он поручил своему ученику-дипломанту В. М. Ганцову продолжить исследование с тем, чтобы убедиться в предположениях о западнорусском происхождении списка. Поручая Ганцову конкретное исследование, Шахматов, вероятно, руководствовался двумя целями: иметь более веские доказательства своих предположений, с одной стороны, и определить исследовательские возможности своего ученика — с другой.

Статья Ганцова, который позднее отошел от занятий Р.Л., была опубликована уже после смерти А. А. Шахматова — в 1927 г. В ней Ганцов дополнил наблюдения учителя о языковых особенностях летописи своими примерами и фактически присоединился к выводам Шахматова о месте создания списка.⁴ Между тем у самого Шахматова полной уверенности в западнорусском происхождении рукописи не было. Наблюдения ученого в результате изучения летописания позволили ему констатировать следующие положения: «На основании всех данных казалось бы возможным признать, — писал он, — Радзивиловский список белорусским памятником. Но этому препятствует то, что здесь находятся типичные великорусизмы, из которых некоторые едва ли могут быть возведены к оригиналу нашего списка». Наличие в одном списке «скрещения» в тексте летописи белорусских лингвистических особенностей с великорусскими заставило Шахматова быть крайне осторожным в выводах. Ученый сделал компромиссное заключение: Радзивиловский список «составлен в области, пограничной между обоими наречиями». Учитывая, однако, что протограф Р.Л. и Московско-Академической, по мнению Шахматова и последующих исследователей, был иллюстрированным, а Московско-Академическая летопись имеет также некоторые западнорусские особенности (например, *есмо, за ся, до Переяславля, и, напротив, меня, тебя, себя* вместо белорусизмов *мене, тебе, себе*, при этом *единого себя* — л. 47 случаев, *от меня* — 43, *хочем тебя* — л. 175 об., *межы собя* — л. 83 об., *за себя* — л. 42 об.), Шахматов заключает свою статью таким образом: «Следовательно, иллюстрированный оригинал был изготов-

² Шахматов А. А. Сказание о призвании Варягов (Посвящается памяти А. Н. Пыпина) // ИОРЯС СПб., 1904 Т. 9, кн. 4 С. 333–336

³ Шахматов А. А. Заметка о месте составления Радзивиловского (Кенигсбергского) списка летописи // Сб. в честь 70-летия Д. Н. Анучина М., 1913 С. 1–6

⁴ Ганцов В. М. Особенности языка Радзивиловского (Кенигсбергского) списка летописи // ИОРЯС Л. 1927 Т. 32 С. 177–242

лен в Западной Руси и, согласно предыдущему, вероятнее всего, в Смоленске».⁵

Позднее Ганцов, приведя целый ряд звуковых, морфологических и синтаксических особенностей Р. списка, сделал тот же вывод, определив памятник как западнорусский. При этом, как и Шахматов, он не мог не отметить великорусские особенности: 1) окончание *-ой* в именительном падеже прилагательных мужского рода единственного числа; 2) сочетания *ро, ре* вместо белорусских *ры (ри)*; 3) местоименные формы *меня, тебя, себя* и т. д. Подводя итог своим наблюдениям, Ганцов писал: «Первая из этих особенностей, отмеченная в памятнике лишь в трех случаях, могла бы быть сводима к оригиналу Радзивиловского списка, но едва ли все они могут быть объяснены заимствованием из оригинала. Взятые вместе, они свидетельствуют о несомненном великорусском влиянии в языке исследуемого списка».

Однако вывод, сделанный Шахматовым и Ганцовым, не может считаться доказанным или, как полагает Д. С. Лихачев в своей первой книге о летописях, «абсолютно достоверным». Думается, Смоленск не вполне обоснованно был назван местом создания Р.Л. Как известно, этот город с 1404 по 1514 г. входил в состав Великого княжества Литовского. И если предположить, что список Р.Л. был создан в Смоленске почти одновременно с летописью Авраамки (1495) «при державе великаго князя Александра изволением Божиим и повелением <...> епископа Смоленскаго Иосифа...», вероятно, текст летописи претерпел бы некоторые изменения, как это случилось с летописью Авраамки. Авраамка для ранней русской истории использовал новгородские, а возможно, и псковские летописи, но, как замечают А. А. Шахматов и Д. С. Лихачев, «вместо краткого извлечения из Новгородской пятой, содержащей зародыш смоленского летописания, в Виленском списке помещена обширная „Летопись великих князей литовских“ и сделаны некоторые другие изменения».⁶ Факт примечательный для выявления условий формирования текста.

В своей последней книге, изданной посмертно в 1938 г., Шахматов отмечает, что Московско-Академический список с точки зрения языка оказывается исправнее Радзивиловского на всем своем протяжении.⁷ Это понятно и неудивительно: хотя оба списка восходят к одному протографу, но их копирование происходило с разными целями, в разных местах и разными писцами. Известно, что Московско-Академический список принадлежал Троице-Сергиевой лавре и, вероятно, именно там был переписан с протографа, созданного во Владимире в начале XIII в. О Владимирском протографе или летописном своде 1205/1206 г. весьма обстоятельно с текстологической точки зрения пишет в своей статье Г. М. Прохоров. При этом он ссылается на статью Н. И. Милютенко, которая предполагает, что летописцем во Владимире мог быть игумен Рождественского монастыря (1203—1212 гг.) Симон, духовник княгини Марии, первой жены Всеволода Большое гнездо, и автор Киево-Печерского патерики.⁸

⁵ Однако и в данном выводе А. А. Шахматов счел необходимым сделать следующую важную оговорку «Ряд особенностей графических, встречающихся в Р. списке, известны и из других западнорусских памятников, куда они проникли из южнославянских оригиналов» (Шахматов А. А. Заметка о месте составления Радзивиловского (Кенигсбергского) списка летописи С 5 6)

⁶ Лихачев Д. С. Русские летописи и их культурно-историческое значение М., Л., 1947 С. 435, 467

⁷ Шахматов А. А. Обзорение русских летописных сводов XIV—XVI вв. М., Л., 1938 С. 368

⁸ Прохоров Г. М. Радзивилловский список Владимирской летописи по 6714 (1205/6) год // Радзивилловская летопись В 2 т Т 2 С 279

В «Обозрении русских летописных сводов» главу о Р.Л. Шахматов начал с абзаца, в котором сказано: «по палеографическим признакам» летопись составлена в какой-нибудь великорусской области. В примечании к этой фразе уточнялось: «Быть может, на Белозере», ибо чтение под 862 г. «сиде оу нас» заменило имя Синеус. Поскольку книга была издана уже без участия автора, можно лишь предполагать, что ученый пришел к такому выводу в результате долгих колебаний и размышлений. Кроме Шахматова наиболее обстоятельно анализировала фразу «оу нас на Белозере» О. И. Подобедова.⁹ Однако малая изученность книжных центров не позволила ей в то время поставить вопрос о Кирилло-Белозерском монастыре как о наиболее вероятном месте создания Р.Л., нежели Тверь, которая уже в середине 80-х гг. XV в. полностью потеряла свою независимость и была поглощена Москвой. Справедливо предполагая, что слова «оу нас» могут указывать на место создания одного из источников Р.Л., О. И. Подобедова не придавала значения тому, что таким источником была «Повесть временных лет» и только в данном списке, который завершается 1205/1206 г., в отличие от других ранних летописей, имевших общий оригинал, присутствует это уточнение. Следует в этой связи отметить важное замечание Д. С. Лихачева в его блестящем очерке, посвященном в целом истории изучения русских летописей.

Опираясь на опыт А. А. Шахматова, он подчеркивает, что «переработка предшествующего летописного материала могла быть допущена лишь по очень веским основаниям». Но «иногда случайные обмолвки летописцев, хронологические ошибки личных записей и т. д. представляли возможность определить время создания списка или свода и личность летописца».¹⁰ «Летописцы как бы сознавали документальный характер записей своих предшественников, сознавали свою ответственность перед грядущими поколениями и важность исторической памяти», — пишет Д. С. Лихачев в другой работе, обобщая свои наблюдения.¹¹

Постараемся обосновать свою версию о происхождении Р.Л. из Кирилло-Белозерского монастыря, версию, опубликованную в предисловии к факсимильному изданию летописи. Как ясно из сказанного, наше предположение совпадает отчасти с мнением акад. А. А. Шахматова, высказанным весьма осторожно в его последней книге.

Прежде всего несколько исторических экскурсов обзорного характера о Кирилло-Белозерском монастыре, который был основан в XIV в. (1397 г.) монахом Симонова монастыря Кириллом. Монастырь расположен на Сиверском озере в 7—8 км от реки Шексны, истоком которой является Белое озеро. Как пишет исследователь Кирилло-Белозерского монастыря А. И. Копанев, в Белозерском крае «скрещивались важные торговые пути».¹² Если учесть к тому же, что верховья трех крупнейших рек (Волги, Зап. Двины, Днепра), сходящиеся в районе Смоленска, издревле связывали территорию Древней Руси на юге с Киевом, в центре с Владимиро-Суздальской и Ростовской землями, на севере с Новгородом и Белозерьем, то понятно, почему уже в XI в. район Белого озера был достаточно населенным. При этом в нем наряду со славянами жило финское племя — весь. В XV в. монастырь принадлежал Ростовской епархии, а само Белозеро с 1389 г. находилось во владении сына великого князя Дмитрия Донского Андрея

⁹ Подобедова О. И. Миниатюры русских исторических летописей к истории русского лицевого летописания М., 1965 С 90—100

¹⁰ Лихачев Д. С. Русские летописи С 18

¹¹ Лихачев Д. С. Культура Руси времени Андрея Рублева и Епифания Премудрого М., Л., 1962 С 98

¹² Копанев А. И. История землевладения Белозерского края XV—XVI вв. М., Л., 1951 С 6

Дмитриевича. К концу XV в. эта территория стала Московским уездом. Естественно, что наличие в этом районе водных путей обеспечивало возможность активного передвижения ремесленников и разного рода мастеровых. Среди них были и книжники: писцы, переплетчики, «изографы», умевшие «прописывать» золотом заставки, строки и слова в рукописях. Например, по документам XVI в. нам известно, что в Иосифо-Волоколамском монастыре месяцами, а иногда и годами жили «служебники» и крылошане из разных монастырей, преимущественно северных; они за деньги или иное вознаграждение выполняли книжные работы.¹³

Основатель и первый игумен Кирилло-Белозерского монастыря Кирилл был родом из боярской семьи, «тесно связан» с Сергием Радонежским, а по сведениям Степенной книги, входил наряду с ним и митрополитом Алексеем в число «благих советников князя».¹⁴ Это обстоятельство обеспечило монастырю главенствующее значение в Белозерском крае. Его удаленность от военных событий и устойчивое экономическое положение позволили в 1481 г. вел. княгине Софье Палеолог, второй жене Ивана III, укрыться в монастыре с детьми во время нашествия татар на Москву.¹⁵ Кириллов монастырь наряду с другими центральными монастырями — Троице-Сергиевым, Иосифо-Волоколамским — был одним из крупнейших на Руси, а в конце XV в., можно сказать, — самым крупным книжным центром и притом «ярким, передовым выразителем происходивших в книжности явлений».¹⁶

С Кирилло-Белозерским монастырем исследователи связывают создание ряда летописных памятников — кратких летописцев,¹⁷ летописей, хронографов или их списков.¹⁸ В монастыре постоянно велась переписка рукописных книг, и было составлено самое раннее на Руси их библиографическое описание.¹⁹ В настоящее время известны имена выдающихся книжников Кирилло-Белозерского монастыря Ефросина (2-я пол. XV в.—до 1491 г.)²⁰ и Гурия Тушина (1452—1526 гг.),²¹ оставивших о себе и своей книгописной деятельности 500-летнюю, а можно сказать, вечную память. К сожалению, по наблюдениям Н. К. Никольского, в монастырском «Описании рукописных книг», созданном, в основном, до 90-х гг. XV в., нашла отражение преимущественно богослужебно-уставная книжность. В нем нет ряда келейных книг и отсутствует, например, описание «Сборничка Ефросинова с Александрией» (РНБ, Кир.-Бел. собр., № 11/1088),²² нет и летописных текстов, хотя

¹³ Кукушкина М В К вопросу об организации книгописного дела на Руси в XVI веке // Книга в России в XVI—середине XIX в Материалы и исследования Сб науч трудов Л, 1990 С 35

¹⁴ Копанев А И История С 44—48

¹⁵ Казакова Н А Книгописная деятельность и общественно-политические взгляды Гурия Тушина // ТОДРЛ М, Л, 1961 Т 17 Приложение С 200 Летописец русский

¹⁶ Седелников А Д Несколько проблем по изучению древней русской литературы Методологические наблюдения // Slavia Praha, 1929 Roč 8, seš 3 S 515

¹⁷ См, в частности Зимин А А Краткие летописцы XV—XVI вв // ИА М, Л, 1961 Т 5 С 22—27

¹⁸ Насонов А Н История русского летописания XI—начала XVIII века Очерки и исследования М, 1969 С 321, 353, 546, Лурье Я С Общерусские летописи XIV—XV вв Л 1976 С 204—209, 274

¹⁹ Никольский Н К Описание рукописей Кирилло-Белозерского монастыря, составленное в конце XV в СПб, 1897 Предисловие С 55

²⁰ Лурье Я С Литературная и культурно-просветительская деятельность Ефросина в конце XV в // ТОДРЛ М, Л, 1961 Т 17 С 130—168 См также Каган М Д, Лурье Я С Ефросин // Словарь книжников Вып 2, ч I С 227—236

²¹ Казакова Н А 1) Книгописная деятельность и общественно-политические взгляды Гурия Тушина С 174—175, 192—194, 198—200, 2) Очерки по истории русской общественной мысли первая треть XVI века Л, 1970 С 244—254

²² Дмитриева Р И Светская литература в составе монастырских библиотек XV и XVI вв (Кирилло-Белозерского, Волоколамского монастырей и Троице-Сергиевой лавры) // ТОДРЛ Л, 1968 Т 23 С 147—149

известно, что 9 ед. из них Кириллова монастыря еще в 1682 г. были отправлены в Москву для дополнения Степенной книги и хранятся в Синодальном собрании.

Вернемся к вопросу о достоверности краткого сообщения писца — «оу нас на Белеозере» в Р. списке. На данном этапе исследования достоверность его не может быть подтверждена документально, но наше предположение находит некоторое отражение в следующих фактах и наблюдениях.

1) Буквально двумя строками ниже, под той же миниатюрой № 15, рукой того же писца в иной фразе упомянуто имя Синеус, и это обстоятельство опровергает существующее в науке мнение, что писец неправильно прочел слово в оригинале, с которого делал копию. Такое предположение маловероятно, поскольку рукопись, за некоторыми мелкими исключениями, написана одним полууставным почерком, свидетельствующим о высокой квалификации писца, которому могла быть доверена переписка летописного текста.

2) Палеографическая характеристика Р.Л. включает в себя прежде всего датировку по филиграммам и по типу письма. Датировка по водяным знакам была произведена с большой тщательностью Н. П. Лихачевым, позднее нами на основе справочника Г. Пиккара. Она совпадает и с первоначальной датировкой, предложенной А. И. Ермолаевым еще в 1806 г.²³

Просмотр нами почерков в сборниках Ефросина и Гурия Тушина создает лишь общее впечатление о большом разнообразии и сходстве некоторых полууставных почерков, идентифицировать которые в разных сборниках либо невозможно, либо крайне трудно. Если почерки Ефросина и Гурия отличаются от почерков других писцов каждый своей индивидуальностью, то полууставное письмо их учеников или других малоизвестных писцов снивелировано и зачастую не поддается идентификации.

Мы обратили внимание на полууставное письмо, в котором использованы черные чернила, а почерк близок по типу к почерку Гурия Тушина, но без его индивидуальных особенностей. Это тексты к миниатюрам Р.Л. № 88, 90 на л. 38 и 38 об., где сделаны вставки в связи с наклейкой миниатюры на пустое место. Рядом на поле «галка», поставленная черными чернилами, вероятно, редактором.

3) Для нашего исследования важно, что в Ермолинской летописи Н. П. Лихачев увидел те же водяные знаки (голова быка с крестом), что и в Р.Л. Обе летописи датируются на основании этих знаков последним десятилетием XV в.²⁴ А. Н. Насонов предполагал, что источником Ермолинской летописи был ростовский владычный свод, доведенный до 1472 г. Эта мысль была высказана А. А. Шахматовым, который считал ростовские «владычные своды общерусскими». Можно полагать, что это был Московский свод, принадлежавший, как и Ермолинская летопись, Троице-Сергиеву монастырю. По мнению Насонова, аналогом этого свода, дополненным московским материалом из архива митрополита, был Владычный летописный свод, принадлежавший Кирилло-Белозерскому монастырю.²⁵ Я. С. Лурье полагал, что в 70-х гг. XV в. в Кирилло-Белозерском монастыре был составлен свод, основанный на общерусском и местном материале, и именно он был использован Сокращенными сводами и отразился в «Летописце руском» и Ермолинской летописи. Это лишь предположение ученого, но следует полностью согласиться с тем, что наблюдения Я. С. Лурье «свидетель-

²³ Письмо к графу А. И. Мусину-Пушкину о камне Тмутараканском, найденном на острове Тамане в 1792 г. С описанием картин к письму, приложенных А. О. [А. Олениным] СПб., 1806. С. 44—45. За напоминание об этой книге благодарю Ю. В. Андрушайтите.

²⁴ Лихачев, Вод. зн. Ч. I. С. 455—456. № 3893—3906.

²⁵ Насонов А. Н. История русского летописания. С. 321.

ствуют о тесной связи между этим сводом и историографической деятельностью кирилловских иноков, о тождестве их летописных источников».²⁶

Взаимозависимость текстов в сводах позволяет представить размах летописной работы в Кирилло-Белозерском монастыре, а также связь этой работы с книгописанием в Ростовской епархии и Троице-Сергиевом монастыре. Ростовское княжество выделилось из Владимиро-Суздальского в 1207 г. и только в 1474 г. воссоединилось с Москвой. Во время нашествия Батия в 1237 г. многие памятники из Владимира могли быть спасены в результате их перемещения в Ростов, остававшийся единственным епископским центром во всей Ростово-Суздальской земле. Как свидетельствуют источники, в отличие от Владимира, Ростов и Суздаль сравнительно мало пострадали от нашествия татар. Уже в 70—80-х гг. XIII столетия возобновляются культурные связи Ростова с Киевиной.²⁷

4) Для нашего исследования имеет значение, что два памятника, которые объединены под одним переплетом с Р.Л. (л. 246 об.—249 об.; 250 об.—251 об.), представлены в сборниках Ефросина в отличных редакциях и в отрывках. При описании сборника (РНБ, Кир.-Бел. собр., № 53/1130) М. В. Рождественская заметила, что в «Слове о крещении земли Руския и о князи Володимире» (л. 122—129) «лексические чтения» во многих случаях «ближе» к аналогичному рассказу в Р.Л. и Московско-Академическом своде, чем к Лаврентьевской летописи.²⁸ На л. 246 непосредственно за текстом Р.Л. в рукописи следует текст «Сказания Данила игумена смиренного, иже походи ногами своими и очами виде». Поскольку в печатном описании Р.Л. не было дано в свое время необходимой характеристики данного списка «Хожения», скажем попутно, что список назван М. А. Веневитиновым «отрывочным»; при публикации памятника этот список использован в качестве вариантов IV редакции.²⁹ В сборнике Ефросина находится древнейший текст «Хожения» (РНБ, Кир.-Бел. собр., № 9/1086, л. 130—135 об.), однако текст памятника был сокращен кирилловским книгописцем. На л. 250 об. Р.Л. помещен текст: «Слово святого Епифания, сказание о пророцех и пророчицах». Известен тот же памятник, но в другой редакции, Ефросина (РНБ, Кир.-Бел. собр., № 122/1099, л. 18 об.—19). Наличие одних и тех же памятников в разных редакциях хотя и осложняет их отождествление, но свидетельствует о разнообразии репертуара рукописной книжности в монастырской библиотеке. Это важно, если наше предположение о месте создания Р.Л. соответствует действительности.

5) К сожалению, мы почти не знаем по именам живописцев XV в., которые иллюстрировали рукописную книжность. Как правило, это были иконописцы, способные использовать свой талант в художественном оформлении рукописных книг, преимущественно богослужебного содержания (евангелия и апостолы или жития святых). Широко известно Евангелие Хитрово начала XV в., иллюстрированное, по предположению исследователей, великим Андреем Рублевым или его учителем Даниилом Черным, а возможно, тем и другим вместе.³⁰ Р.Л. — единственный светский памятник XV в., укра-

²⁶ Лурье А. С. Общерусские летописи XIV—XV вв. С. 207.

²⁷ Насонов А. Н. История русского летописания. С. 194—195.

²⁸ Каган М. Д., Поньрко Н. В., Рождественская М. В. Описание сборников XV в. книгописца Ефросина // ТОДРЛ Л., 1980 Т. 35 С. 201 «Слово о крещении» внесено как самостоятельный памятник в библиографическое описание, составленное в Кирилло-Белозерском монастыре.

²⁹ Веневитинов М. А. Житие и хождение Данила Руския земли игумена 1106—1108 // ППС СПб, 1883 Г. 1, вып. 3 С. 13 См. также Рузский Н. В. Сведения о рукописях (описание сборников), содержащих в себе Хождение в святую землю русского игумена Даниила в начале XII века // ЧОИДР 1891 Кн. 3 Отд. 2 С. 39.

³⁰ Вздорнов Г. И. Искусство книги в Древней Руси. Рукописная книга Северо-Восточной Руси XII—начала XV веков. М. 1980 С. 109.

шенный живописными миниатюрами. Эта великокняжеская летопись, по словам Г. М. Прохорова, занимала «очень важное место в истории не только владимирского, но всего русского летописания» и, вероятно, потому была богато иллюстрирована.³¹

В летописи 618 миниатюр, исполнителями которых были разные мастера. В. И. Сизову, например, удалось выявить руки 5 мастеров. При подготовке факсимильного издания летописи в цвете научная сотрудница ОРКк БАН И. Н. Сергеева, при участии А. А. Амосова (оба ныне покойные), попыталась проанализировать технику каждого из этих живописцев и установила три группы разнотильных рисунков. Сложность изучения миниатюр состоит прежде всего в том, что они почти все в той или иной степени подверглись правке, которую можно увидеть в перерисовке первоначальных рисунков, обводке контуров действующих персонажей, а также лошадей, их сбруи и т. д. Исследователи определили и орудия (перо, кисть, трость), с помощью которых художники создавали миниатюры. В результате удалось разделить все миниатюры на три основные группы: 1-я группа рисунков (л. 3—95 об.), манера исполнения которых связана с оригиналами, основанными на византийских образцах, композиция статичная; 2-я группа рисунков (л. 96 об.—194 об.), манера исполнения которых более свободная, фигуры «пропорциональные», «полны движения, лица — выразительности»; 3-я группа рисунков (л. 194 н.—245 об.), манера которых связана с мастером, создавшим «оригинальные, полные динамики композиции». Он был знаком с западноевропейским искусством, вероятно, хорошо знал древнерусскую и византийскую живопись, ибо его руке принадлежат рисунки на наклейках и правка более ранних миниатюр.³²

Характеризуя последнего мастера, исследователи техники исполнения миниатюр опирались на высказывания крупнейших историков искусства. Еще Н. П. Кондаков заметил, что вопреки общему правилу последняя треть лицевых изображений в Р.Л. превосходит предшествующие, ибо «оказывается наиболее разработанною в художественном отношении...».³³ Б. А. Рыбаков конкретизировал замечание Кондакова, привел собственные наблюдения и сделал вывод, с которым мы не можем не согласиться. Он пишет, что начиная с 1169 г. западные готические элементы встречаются в полном комплексе: рыцарский доспех XV в., своеобразные вычурные шпиглы XV в., пушки в амбразурах крепостей, и при этом миниатюры XV в. с изобилием западных черт «нарисованы в совершенно иной манере — рисунок широк, выдвигается на поля, композиция свободная, не скованная старыми образцами». Далее автор объясняет, что эта часть рисунков является оригинальным творчеством художника XV в., ибо соответствующие иллюстрации в подлиннике отсутствовали, и копист XV в. становился «художником своей эпохи, сохраняя лишь присущую ему манеру эскизного, небрежного изображения лиц персонажей».³⁴ Однако копист XV в. мог стать художником только в том случае, если он обладал талантом живописца. Таким художником мог быть в Кирилло-Белозерском монастыре в конце XV в. книжный иллюстратор и иконописец, к тому же квалифицированный писец, работавший по заказу, — Ефрем Требес (?).³⁵

³¹ Прохоров Г. М. Радзивилловский список Владимирской летописи. С. 280.

³² Радзивилловская летопись. Т. 2. С. 302—303.

³³ Кондаков Н. П. Заметка о миниатюрах Кенигсбергского списка начальной летописи Радзивилловская или Кенигсбергская летопись. II. Статьи о тексте и миниатюрах рукописи СПб., 1902. С. 124.

³⁴ Рыбаков Б. А. Миниатюры Радзивилловской летописи и русские лицевые рукописи X—XII веков // Радзивилловская летопись. Т. 2. С. 282.

³⁵ Соловьева И. Д. Книжник и иконописец Ефрем — современник Ефросина // ТОДРЛ. Л. 1989. Т. 42. С. 268—279. Автор воспроизводит две миниатюры и икону.

С именем Ефрема связаны две рукописи, хранящиеся в собрании Кирилло-Белозерского монастыря, — Синаксарь и Сербская Александрия. В первой из рукописей (РНБ, Кир.-Бел. собр., № 56/1295) на л. 1 об. можно видеть запись Ефрема мелкой красивой скорописью: «По благословению господина и отца нашего начах писати Синаксарь сий игумена Венедикта (1486—1489 гг. — М. К.) въ обители пречистые Кирилове монастыри Ефремишко изугараф...». Рукопись в 4°, написана красивым полууставом, густыми черными чернилами. На л. 1 тоже полууставным письмом, но более небрежным — полагаю, что рукой того же Ефрема, — записано обращение с молитвой к Богу о помощи в попытке «пера киноварнаго». В другой рукописи Ефрем выступает в качестве художника, высоко квалифицированного и талантливого. В тексте Александрии, которая находится в сборнике Ефросина (РНБ, Кир.-Бел. собр., № 11/1088), на л. 19 помещено изображение Александра Македонского, нарисованное, как свидетельствует запись на обороте 19 л., тем же Ефремом: «В лето 7000-е [1491] октября 20, сии Александр написан бысть Ефремом Ефросину». Запись, как единодушно утверждают все исследователи этого сборника, сделана почерком Ефросина. В сборнике имеется и вторая миниатюра на л. 127 — изображение кентавра (Китавраса), т. е. не автора, что было бы, по мнению Соловьевой, традиционным, а героя повествования. Фамилию Ефрема исследовательница выявила в результате атрибуции ему иконы «Распятие», которая хранится в Русском музее (инв. № 274). Икона была изготовлена для вклада в Никитский монастырь, расположенный на Шексне недалеко от Кириллова монастыря. Все эти факты свидетельствуют, что художник мог работать в разных жанрах и художественных стилях. В Синаксаре, например, ему принадлежат киноварные инициалы, которые варьируются от простого геометрического до сложного растительного декора.³⁶ Наше предположение о причастности художника к иллюстрированию Р.Л. отчасти подтверждает и тот факт, что в собрании книг профессора Ф. Г. Баузе находилась Александрия, «не позже начала XV в. в 4°, с рисунками, совершенно подобными тем, каковые находятся в известном Кенигсбергском списке Нестора».³⁷ Книга, как и все собрание рукописей Баузе, погибла в пожаре 1812 г. Остается только предполагать, насколько рисунки в рукописи Баузе были близки к рисункам Ефрема в рукописи Ефросина.

Любопытно еще одно наблюдение, сделанное Б. А. Рыбаковым безотносительно к нашей версии о месте происхождения Р.Л. На миниатюре (л. 8 об. № 15), изображающей трех варяжских князей, в центре нарисован старый князь Рюрик, а слева и справа его братья Синеус и Трувор,³⁸ которые через два года вокняжения умерли и «прия всю власть Рюрик один» (л. 9). Судя по рисунку и подписи к нему, можно думать, что художник и писец сознательно связали начало единовластия Рюрика с Белоозером: он изображен в центре, где нарисована башня и сделана подпись к ней: «Белоозеро».

Итак, по нашему мнению, Р.Л. в списке 90-х гг. XV в. была переписана в Кирилло-Белозерском монастыре, возможно, белорусом,³⁹ а художественно

³⁶ Там же С. 187

³⁷ Моисеева Г. Н. «Собрание российских древностей» профессора Баузе // ТОДРЛ Л., 1980 Т. 35 С. 319, № 92

³⁸ Рыбаков Б. А. Миниатюры С. 284.

³⁹ Нам кажется, что ссылкой на В. Н. Татищева можно разрешить отчасти вопрос, который был рассмотрен А. А. Шахматовым в 1913 г., — вопрос о лингвистических особенностях Р.Л. в связи с местом ее происхождения. В «Истории Российской» говорится «Весь или Белоозеро, в котором первый князь Синеус, брат Рюриков, умер без наследства Сие, хотя под власть белорусских князей приобсчено было, но положением включается в границы Великой Руси» (Татищев В. Н. История Российская М., Л., 1962 Т. 1 С. 352).

оформлена изографом Ефремом. В недавно вышедшей книге известного искусствоведа Э. С. Смирновой о Ефреме говорится следующее: «Сохранившиеся его миниатюры (речь идет об Александрии. — М. К.) исполнены контурным рисунком и носят характер книжной графики, они не похожи на „иконки в рукописи“, в отличие от традиционных темперных многокрасочных миниатюр. Хотя он, видимо, и гордился своей художественной профессией, все же занимался ею от случая к случаю. Иначе трудно понять, почему в неплохо сохранившейся монастырской библиотеке до нас дошла лишь единственная украшенная рукопись».⁴⁰ А может быть, именно потому, что он увлеченно занимался многотрудным иллюстрированием Р.Л., от него и дошли помимо икон всего две художественно оформленные рукописи?

Мы не ставим точку в нашем исследовании, предполагая, что издание цветного факсимиле Р.Л. и наши наблюдения позволят углубить изучение памятника другим специалистам, и прежде всего искусствоведам.

⁴⁰ Смирнова Э. С. Лицевые рукописи Великого Новгорода XV века. М., 1994. С. 166-167.